

УДК 82-95

Б.М. ЭЙХЕНБАУМ В КНИГЕ Я.С. ЛЕВЧЕНКО «ДРУГАЯ НАУКА»

ЧУГУНОВА Елена Евгеньевна,

кандидат филологических наук,

руководитель проекта по подготовке к изданию дневниковых записей Б.М. Эйхенбаума,

Российский государственный архив литературы и искусства, г. Москва

АННОТАЦИЯ. Данная публикация посвящена реконструкции творческой личности и методологии Б.М. Эйхенбаума на основе фундаментального исследования Я.С. Левченко.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский формализм, формалистский системный ход, методологическая рефлексия, принцип остранения, феномен кино, литературная теория, метаязык.

CHUGUNOVA E.E.,

Cand. Philolog. Sci., Project manager for B.M. Eichenbaum's diary entries redaction,

Russian State Archive of Literature and Art

B.M. EICHENBAUM IN "THE OTHER SCIENCE" BY Y.S. LEVCHENKO

ABSTRACT. The publication is dedicated to the reconstruction of B.M. Eichenbaum's creative personality and methodology on the basis of A.S. Levchenko's.

KEY WORDS: Russian formalism, formalist system course, methodological reflection, the principle of estrangement, cinema phenomenon, literary theory, metalanguage.

Русский формализм существует уже без малого сотню лет, если считать от времени появления программных работ В.Б. Шкловского, Ю.Н. Тынянова и Б.М. Эйхенбаума, написанных в ранние 1920-е гг., но вот история формализма и формалистского метода не только применительно к модусу литературы, но и шире – к модусу культуры, определяемой в терминах непрерывного перцептивного процесса, стала активно разрабатываться только в последние десятилетия. И в этом смысле недавно вышедшая монография Я.С. Левченко, выпускника Тартуской семиотической школы «Другая наука: Русские формалисты в поисках биографии» [1] – представляет собой довольно успешную попытку определения формализма как философского феномена первых бурных десятилетий XX века, задавшего, по сути, направление для развития всей гуманитарной науки на многие годы вперед.

«Другая наука» – книга фундаментальная во всех смыслах: автором был переработан колоссальный объем научного материала, причем хронология авторского поиска всеохватна, и это вполне объяснимо: для того чтобы понять, что же, в сущности, представляет собой формализм как метод исследования (а точнее как спектр исследовательских мнений) Я.С. Левченко прибегает к поиску формалистского системного кода в смысловом поле литературы, с помощью которого «*презумпция семиотичности мира, выраженная в метафоре мира как книги и предполагающая возможность его декодирования*» (Делез-Гваттари), может быть обоснована и объективирована. Именно поэтому для автора так важна связь русских формалистов (через петербургское и московское отделения ОПОЯЗа) с феноменологией Э. Гуссерля, интуитивизмом А. Бергсона, а также с идеями философа par excellence Ницше: «<...> рассматриваются также типологические связи формализма и "философии жизни" (витализма) Анри

Бергсона. Это направление значимо для петербургского ОПОЯЗа не менее, чем феноменология Эдмунда Гуссерля для круга московских формалистов. Помимо Бергсона, еще одним неминуемым пособием по философии жизни и теории истории был Фридрих Ницше – фигура, выведенная в тираж эпохой символизма и отложившаяся в идеях формальной школы в виде общих мест».

В сущности, пишет Я.С. Левченко, если прибегнуть к формалистским приемам отражения действительности и ее объективирования, литература, а точнее *литературность* как проблема («я» как основное условие письма у В.Б. Шкловского, «я» как пороговое средство разрешения «кризиса текста» у Б.М. Эйхенбаума), актуализируется, полностью переходя в фазу интериоризации – внутреннего ухода, который «может быть», а может и «не быть», но который никак не препятствует процессу литературной экстерииоризации и зависит уже от установок самой личности. Именно поэтому авторские наблюдения над тем, как главные русские формалисты «работают с историей», исключительно интересны – особенно анализ «методологической рефлексии» Б.М. Эйхенбаума. По мнению Я.С. Левченко, «Эйхенбаума отличало возникшее на предыдущем этапе интеллектуального взросления тяготение к фундированным взглядам, какими бы радикальными они ни были».

Радикализм Эйхенбаума в освоении пространства литературы, принцип литературной имманентности близок семиологии Фердинанда де Соссюра. При этом авторскую цитату Б.М. Эйхенбаума о том, что «при желании всю литературную эволюцию можно понимать как непрерывную серию кризисов, поскольку непрерывно меняется и переходит с одних элементов на другие сам знак литературности, но эволюционное значение этих кризисов всегда разное», Я.С. Левченко интерпретирует как магистральную – литература была, есть и будет релятиви-

стской и реляционной, и задача литературоведа – быть готовым принять и осознать ее во всей полноте. Б.М. Эйхенбауму был неинтересен автор как идеологема, архетип или простая «историческая единица», он не готов изучать «жизнь вообще» и спецификацию ее отражений в многочисленных писательских биографиях; много важнее для него сделать фокус на историчности (или, как вариант, внеисторичности) авторского поведения, его динамике и эмпирике, того, что он определяет как «литературный быт», – именно эту модель читатель может наблюдать в книге Б.М. Эйхенбаума «Мой современник» (1929) и последовавших после нее публикациях. «В трактовке Эйхенбаума литературный быт – междисциплинарное понятие; он проявляется только в контакте литературы с внеположными ей контекстами и в этом смысле перекликается с рядом концепций, во второй половине XX в. изменивших интерфейс гуманитарного знания».

Формалистская биография, по Б.М. Эйхенбауму, тесно примыкает к текстологии (литературоцентричному праксису) и «быту» (культуроцентричному праксису) и без них не мыслится. «Бытология» как эпистемологический ресурс, помогавший Эйхенбауму в его работе с дневниками Толстого, и определяет в конечном итоге вектор его собственной работы и его противостояние жестким и полностью идеологизированным раннесоветским концептам «историзма в литературе».

Именно так описывает формалистский биографизм в своем интервью «Русскому Журналу», посвященному выходу «Другой культуры», автор книги Я.С. Левченко: «Формалистам надо было прожить жизнь, глядя на себя со стороны и фиксируя свои наблюдения. Только и всего. Это поздний романтический проект, предполагающий острое переживание субъектом своего места в истории и жестокое разочарование от того, что он, субъект, истории безразличен, что она – в лице различных представителей – выбирает тех, кто ею просто пользуется, а не пытается понять, что она может значить. В 1921 году Эйхенбаум поделился открытием, что история – это и есть он сам и все его поколение, для которого наступил "миг сознания". <...> Формалисты научились жить с этой тоской, в чем-то сохраняясь, в чем-то идя на необратимые компромиссы, но не забывая о своей миссии – рефлексии жизни в текстовом измерении. Окончательной биографии, в кавычках или без, в случае с формалистами быть не может. Точнее, это автометаописание, подписанное смертью» [2].

В главе «Работа с травмой. Опыт построения автобиографического пространства» автор описывает, как формировалась теория эйхенбаумовского «отчуждения», переросшего впоследствии в принцип формалистского *отстранения*. По мысли Я.С. Левченко, жизнь Б.М. Эйхенбаума – нелегкий путь обретения самоидентификации сквозь череду вызовов и потерь, которые, по сути, и формализовали его *modus operandi*: «Именно в Петербурге, пропитанном культурной памятью, которая непропорциональна короткой истории, провинциал Эйхенбаум проделал путь в литературу сначала с намерением отождествиться с ней, стать поэтом, писателем, затем – с намерением заинтересованно отстраниться, стать критиком. Неудачная попытка закрепиться в литературе на правах хозяина обернулась службой в качестве управляющего, нашего приемлемую форму сублимации. Движение от медицины к музыке и далее к литературе, сомнения и метания в

выборе профе • К научной биографии Б.М. Эйхенбаума случайностей, преодоление судьбы и создание биографии, которая все никак не может состояться, – все это Борис Эйхенбаум пережил и описал в Петербурге, пространство которого напрямую связано с реализацией утопии, с буквализмом отрицания прошлого».

Я.С. Левченко убедительно демонстрирует, как значим был для Б.М. Эйхенбаума этот опыт травмы: парадоксальным образом он способствовал формированию последовательной и непротиворечивой эйхенбаумовской телеологии, которую в определенном смысле можно соотнести с опытом ницшеанской онтологии («духом музыки», к которому имплицитно апеллирует во «Временнике» Эйхенбаум). Как пишет в своей рецензии на «Другую культуру» С. Зенкин, «для Бориса Эйхенбаума "жизненным" аспектом формализма явилось преодоление биографической травмы, когда после революции он, уже сложившийся литературный критик акмеистского толка, пережил слом в течении времени, "расподобление приватной и социальной истории". Для восстановления исторической рациональности, нарушенной этим социальным и личным кризисом (Я. Левченко активно пользуется понятием "кризис среднего возраста"), послужила эйхенбаумовская история литературы, в центре которой – "проблема личной причастности истории", "антропологический и даже гуманистический" поворот. Сама история выглядит у него непрерывно-нерасчленимой и, собственно, вообще неподвижной; ей противостоят, в духе философии Бергсона, "хронология и время – абстракция, выдумка, условность, регулирующая семейную жизнь и государственную службу" ...» [3].

Я.С. Левченко деконструирует эйхенбаумовский «фантастический мост», приведший его из медицины в литературу, позволяя читателю своей книги внимательно следить за логикой эйхенбаумовского движения, двигаться по пересеченной местности его бытия, или, как говорил сам Эйхенбаум, формировать биографию в виде *«мышечных движений истории»*.

Полнота и всеохватность формалистского дискурса находит адекватное выражение и в теории кино: как показывает Я.С. Левченко в главе «Контуры ненаписанной теории. Кинематографический сюжет русских формалистов: Борис Эйхенбаум и спор о "главном"», кино стало для Б.М. Эйхенбаума естественным способом перекодировки привычных литературных жанров с помощью новых современных технических средств. Начиная с простого (простого ли?) вопроса «Искусство ли кино?» (1926), Б.М. Эйхенбаум отвечает на него в том смысле, что специфицировать кинематографическую модальность, по сути, бессмысленно, поскольку она – лишь выразительный инструментарий, метапаттерн, с помощью которого можно высветлить грани исследуемой и изображаемой реальности, пусть и иллюзорной. «Фактически Эйхенбаум констатирует неопределенность кино, а не относит его к одной или другой сфере деятельности. Остроумный риторический ход с читателями подчеркивает непригодность дискурсивных методов для определения все-сильного и всеохватного феномена, каковым здесь оказывается кино. Эйхенбаум – всего лишь критик, человек слова, осознающий границы своей иллюзорной власти. В его представлении кино для искусства сродни тому, чем была коммуникативная структура в лингвистике – некий медиум, не существ-

вующий в реальности, но ей предшествующий и ее формирующий».

В предваряющей заключение главе «О языке кино с точки зрения литературы. Случай Бориса Эйхенбаума» Левченко еще раз обращает внимание читателей на метафоричность эйхенбаумовского метаязыка – особенно в его программной статье «Проблемы киностилистики», опубликованной в 1927 г. в «Поэтике кино», снова проводя параллели между *эстетической критикой* Б.М. Эйхенбаума и *L'Évolution créatrice* А. Бергсона, бывшего в это время очень популярным в литературно-философских кругах. Главным в киноискусстве для Эйхенбаума остается его язык, совмещающий в себе «органический фермент» и соборность, причем последняя не имеет ничего общего со славянофильством и почвенничеством и тяготеет, скорее, к «многообразию различных форм единства» С. Франка. Впрочем, в итоге Б.М. Эйхенбаум остается верным себе

и своей концепции «имманентного фигуранта исторического процесса», полагая кино, несмотря на массовость, искусством камерным. Как отмечает Я.С. Левченко, «"киностилистика" буквально экстраполировала опыт изучения языка и литературы на искусство, которое сам Эйхенбаум поместил "вне конкуренции, вне классификации, вне аналогий"».

Именно эйхенбаумовская концепция декодировки киноязыка легла в основу гораздо более поздних творческих разысканий тартуско-московской семиотической школы и западного кино- и литературоведения.

В заключении книги автор пишет о том, что русский формализм стал не только отправной точкой и ключом к осмыслению уже созданной литературной теории, но и к формированию новой – целостной, последовательной и внутренне непротиворечивой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Левченко Я.С. Другая наука: Русские формалисты в поисках биографии / Я.С. Левченко. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 304 с.
2. Левченко Я.С. Русские формалисты: научившиеся жить со всей тоской. Постскриптымы к Журнальному залу / Я.С. Левченко // Русский Журнал. – 2012. – (<http://www.russ.ru/pole/Russkie-formalisty-nauchivshiesya-zhit-so-vsej-toskoj>).
3. Зенкин С. Наука и жизнь: заметки о теории / С. Зенкин // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 115. – (http://www.nlobooksru/node/2311#_ftn1).